

СИСТЕМНО-ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОРМЫ *XE* В ВЕНЕЦИАНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Ю. А. Филипацци

Уральский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2010 г.

Аннотация: в статье критически разбирается история изучения венецианской глагольной формы *xe* и предлагается новая, системная, трактовка ее возникновения.

Ключевые слова: венецианский диалект, глагол *esser*, глагол *aver*, глагольная форма *xe*, прикрытый слог, позиционное чередование, агглютинативность, проклитики, звонкость, глухость согласного.

Abstract: the article critically analyses the history of study of Venice's "xe" verbal form and proposes a new systematic approach to its origin.

Key words: Venice's dialect, verb *esser*, verb *aver*, form verbal *xe*, covered syllable, positional alternation, agglutinative language, proclitics, sonorous consonant, surd consonant.

«Особая форма третьего лица единственного числа глагола *esser* 'быть' – *xe*, характерная для венецианского диалекта Италии, до сих пор не объяснена», – констатировал виднейший специалист по итальянским диалектам Г. Рольфс в середине XX в. [1, с. 269]. В последующий период ответ на этот вопрос, похоже, искать больше не пытались, судя по отсутствию в широком доступе специальных публикаций: в современных работах форму *xe* рассматривают, по преимуществу, как языковую данность, не интересуясь ее происхождением. Между тем, возникновение данной формы именно в венецианском диалекте может быть связано с некоторыми особенностями устройства его системы в целом.

Что же необычного в этой глагольной форме?

Во-первых, современная венецианская форма *xe* – единственная в романских языках и диалектах, имеющая структуру прикрытого слога CV. Для сравнения, в итальянском (тосканском), португальском и румынском языках ей соответствует *è*, во французском *est*, в испанском *es* как производные от латинской словоформы *est*. Можно было бы предположить, что данная форма возникла по аналогии с другими формами парадигмы, так как в романских языках большая их часть начинается на согласный: если в латинском таких форм было три: *sum, sumus, sunt* против трех форм, начинавшихся на гласный – *es, est, estis*, то в испанском и португальском таких форм четыре: *soy, somos, sois, son* (кроме *eser, es*) и *sou, somos, são, são* (кроме *és, é*) соответственно, а в итальянском – пять: *sono, sei, siamo, siete, sono* (кроме *è*). Здесь вполне очевидна тенденция к выравниванию парадигмы и

устранению неправильных форм, которая могла привести в венецианском диалекте к генерализации форм на *s-*. Такого мнения, по свидетельству Г. Рольфса, придерживался Г. Инэйхем, который усматривал в форме *xe* адаптацию к другим формам венецианского глагола *esser*: *son, semo* [1, с. 269–270], однако такая гипотеза разбивается об очень простое препятствие: в словоформе *xe* согласный – звонкий, а значит, такого предположения самого по себе, как минимум, недостаточно. В самом деле, в то время как остальные формы глагола *esser* начинались на этимологический согласный *s-*, исконная форма *é* приобрела вид *śe*, а для ее передачи даже стали применять специальный недиакритический знак *x* [2].

Г. Рольфс приводит подробную справку истории вопроса, решавшегося методами исторической грамматики: традиционное написание *xè* (также *xe*) не является очень древним, так как достаточно редко встречается еще в XIV в., тогда как в предшествующих текстах эта форма передавалась на письме в виде *se* и *si* [1, с. 269]. Между тем, независимо от характера написания (*xè, sè*), эта форма встречалась в строго определенной синтаксической позиции, а именно после союзов *che, e*, местоимений *la, le, li, chi, cosa*, из чего ученый делает вывод о том, что на возникновение этой формы повлияла ее фонотактическая позиция после гласного [1, с. 269]. Очевидно, Рольфс имел в виду позиционные варианты *è – sè*, причем вторая форма, видимо, звучала как [зэ], т.е. согласный *s-* с самого начала был звонкий, чему соответствует и его передача на письме одним *-s-*, так как для передачи глухого свистящего в интервокальном положении использовался знак *-ss-*; только впоследствии, из-за наложения разных графических принципов и

неоднозначности *s* стали использовать специальный знак *x* [3]. Так вот, именно поствокальные условия функционирования формы *xe* в прошлом позволили немецкому ученому провести параллель с формой *edè* в Тоскане и в Марке, возникшей из сочетания *ched è*, *ed è*, однако он счел трудным обоснование того, как межзубный *d* превратился в свистящий *ś*, пусть даже в других условиях такой переход в области Венето встречается: *loxa 'egli loda'*, *erexe 'erede'* [1, с. 270]. О каких других условиях говорил исследователь, остается не до конца ясным (сам он этого не уточняет), поскольку и в том, и в другом случае речь идет об интервокальной позиции, в которой оказался предпологаемый *-d-*, поэтому переход **ched è > *chex è > che xe* кажется вполне закономерным, другое дело, что в этом случае необходимо объяснить, почему звонкий *x*-приклеился к глагольной форме, в отличие от тосканского диалекта, где в подобных условиях такого сращения не произошло (**dè*). Почему «сдалась» самая устойчивая в романских языках форма парадигмы *esser*? И почему венецианская парадигма глагола *esser* приняла новацию *xe*, несмотря на то, что звонкий начальный согласный не решал проблемы иррегулярности формы третьего лица единственного числа и, к тому же, разрывал преемственную связь с этимологической формой? Других аналогов приращения согласного к глагольной форме за пределами системы самого венецианского диалекта, кажется, нет, поэтому ответы на поставленные вопросы следует искать в самом этом диалекте. Поиск в данном направлении представляется нам вполне перспективным, чего нельзя сказать о других гипотезах, которые приводит и сам же критически отвергает Рольфс.

Так, относительно происхождения *xè* (*sè*) Мейер-Любке считал, что здесь следует искать параллели с тосканской конструкцией *c'è* – формой 3-го лица глагола *essere*, которой предшествует местоименная частица; по мнению Гартнера, речь идет об особой комбинации типа *es(t) illa = es èla*, однако такой взгляд игнорирует особые обстоятельства развития исследуемой формы. Сальвиони, опираясь на формы фриульского языка *vasel?* ‘*va egli?*’, *asel?* ‘*ha egli?*’, объяснял вставку *x* стремлением устранить зияние. Сам Рольфс, выдвинувший гипотезу о том, что в основе *xe* лежит форма *jè*, по его же собственным словам, не нашел с ходу достаточно аргументов в ее пользу и отложил доказательство до лучших времен. Рольфс отвергает также гипотезу итальянского переводчика его книги Т. Франчески, который, вслед за Мейером-Любке, пытался установить тождество между формой *xè* и тосканской формой *c'è*, считая, что речь здесь может идти о слиянии древней частицы *hic* с глаголом: *hic est* (ср. *acetum >* венецианское *axèo*), параллельно слиянию *hic habet* → *igà >* *ga*,

произошедшему во многих венецианских говорах. По мнению немецкого романиста, такая гипотеза не состоятельна, поскольку форма *śe* в роли наречной частицы нигде не зафиксирована, тогда как наречие *gh* или *g* (из *hic + a-, o-, u-*) является речевой реальностью: ср. венецианское *mi g'andarò 'io ci andrò'*, *mi g'urto 'io ci urto'* [1, с. 270].

Логика этих авторов ясна: в самом деле, в некоторых итальянских диалектах, в частности, в северных, включая варианты венецианского, а также во флорентийском, форма *è* практически никогда не выступает в речи изолированно: ей обычно предшествуют проклитики *ci, l', n', s'*, благодаря чему мы слышим прикрытый слог [че, ле, сэ] и т. п., но практически никогда – [э]. Однако в этом случае образуется сложная единица синтаксического уровня, которую формально нельзя сопоставлять со словоформой, тем более что таким сжатым комплексам соответствуют развернутые конструкции *el xe, ghe xe* и др. в венецианском диалекте. Это значит, что речь идет о совершенно ином процессе.

Э. Косериу считал, что «язык относится к явлениям не причинного, а целевого характера, к фактам, которые определяются своей функцией» [4, с. 19]. Замена вопроса «почему» на вопрос «зачем? / с какой целью?» может дать в нашем случае более убедительное объяснение изучаемому предмету, однако для этого необходимо взглянуть на проблему максимально широко, с учетом самых разных закономерностей организации языковой системы, называемой венецианским диалектом. Действительно, отход от причинно-следственной логики исторической грамматики и принятие телеологического подхода неизбежно приводит нас к понятию системы, в которой «все связано со всем» и где «понять нечто – значит помыслить его как часть целого» [5, с. 67].

Если устранение зияния при помощи согласной вставки – обычное явление для языков вообще и итальянских диалектов в частности (*d* в тосканском, *h* в южно-итальянских диалектах), происходящее либо путем варьирования формы предыдущего слова в речевой цепи, либо путем прямой эпентезы, то явление приращения согласного к начальному гласному последующего слова характерно именно для венецианского диалекта, точнее, для Венеции и венецианской лагуны, а также непосредственно примыкающей к ней континентальной части региона – Падуи, Виченцы, Тревизо: здесь мы наблюдаем формы глаголов *aver – go, ghe, ga, g(av)eto, ghe, ga* и *esser – xe* (кроме форм на *s-*). В пограничных зонах севера (Беллуно) и запада (Верона) используются этимологические формы без согласного: *ó, è, á, aveto* для *avere* и форма *è* для *esser* [3, с. 21], так как там начинается переходная зона венецианско-фриульских и ломбардско-венецианских диалектов [6, с. 103] и в игру вступают иные законы.

То, что согласный появился там, где форма глагола начиналась гласным, говорит в пользу позиционного характера происхождения согласного; можно здесь даже предположить такую же стадию чередования и для глагола *aver*; а именно *ó, á* после согласного и *go, ga* в послевокальном положении, по крайней мере, в итальянском языке и его диалектах чередование с участием *-g-* перед велярным гласным – явление достаточно обычное (см. регулярные чередования итальянских форм *vengo, vengà : vieni, viene* и им подобные). В таком случае, правда, уже нельзя однозначно утверждать, что формы глагола *aver* на *g-* возникли из сращения клитика *ghe* с глагольной парадигмой, иначе как объяснить позиционное чередование. Зато можно говорить о позиционной дистрибуции согласных: переднеязычный *ś* перед гласным переднего ряда *e*, заднеязычный *g* перед гласными заднего ряда *a, o*. То, что позиционное варьирование утратилось, свидетельствует о том, что формы на гласный перестали соответствовать требованиям языковой системы. Следует, разумеется, оговорить, что данный феномен охватывает два приведенных выше глагола, так как именно в их парадигме имелись наиболее слабые звенья – моносиллабические глагольные словоформы, репрезентированные одним гласным – *a, o, e*. В многосложных глаголах, начинающихся на гласный, например, *amar*, ничего подобного не произошло.

Очевидно, консонантное начало глагольных словоформ отвечало определенным потребностям языковой системы. Мы уже обращали внимание на то, что, в отличие от тосканского диалекта, где начало словоформы или синтагмы довольно часто имеет форму неприкрытого закрытого слога VC (*ac-canto, ab-bandonare, ev-vivo 'è vivo'*), который, как правило, в случае необходимости «прикрывается» конечным согласным предыдущего слова (*dov'è? cos'ha?* и др.), образуя цепочку из прочно сцепленных друг с другом слогов, для венецианского, напротив, характерна тенденция к взаимному обособлению слогов (морфем) за счет процессов дегеминации и диссимиляции: *coreto 'corretto', tempo 'tempo'* (ср. в тосканском действуют противоположные процессы ассимиляции и геминации), как если бы в одном диалекте действовала центростремительная, а в другом – центробежная сила [7]. Типичная венецианская фраза выглядит как последовательность прикрытых и преимущественно открытых слогов CV(C), например, *ti sa che ghe ve-do po-co; se no li go, no li tro-vo* [8]. Скорее всего, это связано с интонацией венецианской речи, в отношении которой часто используют эпитет «cantinelante» – ‘тягучая, монотонная’: любая фраза словно бы распадается на слоги, каждый из которых обладает приблизительно равной длительностью и скоростью произношения и словно бы начинает сам себя, а не яв-

ляется элементом единой цепи. При таком характере просодической организации речи любой ее сегмент, тем более знаменательный, должен маркироваться начальным согласным, так как именно он служит сигналом границы между слогами. В самом деле, если произнести с такой интонацией фразу на тосканском диалекте, перед слогом формы V сам собой непроизвольно возникает некоторый согласный приступ.

Обособленность венецианских слогов друг от друга внешне очень напоминает обособленность суффиксов и морфем в словах языка агглютинативного строя [9, с. 339]. Подобное свойство характерно для речевой цепи, например, урало-алтайских языков, где действует принцип экономии служебных морфем: чтобы речевая цепь была членораздельной, «корни должны включать в себя и гласные, и согласные», «а корни из единственного гласного – чрезвычайно редкое явление» [9, с. 346]. Если обратиться к статистике, то, в сравнении с данными ряда итальянских диалектов, употребительность неприкрытых слогов в венецианском диалекте относительно не высока и составляет около 12,58 % на один среднестатистический текст: это меньше, чем в тосканском (15,25 %) и неаполитанском (14,45 %) диалектах, хотя и значительно больше, чем в сицилийском (8,93 %), на котором в значительной мере отразился арабский субстрат (при этом в сицилийском диалекте также действует правило сохранения служебными морфемами своей формы при влечении их в состав слова: «морфема = слог», хотя и проявляется оно иначе, чем в венецианском). Слоги структуры V в венецианском диалекте в основном являются экспонентами служебных слов и вспомогательных морфем: союзов, предлогов, артиклей и местоимений, междометий, приставок, окончаний имен и причастий. Историческая форма третьего лица единственного числа глагола ‘быть’ *è*, а вместе с ней и параллельная форма глагола *aver – á*, таким образом, были репрезентированы внешне как служебные, незнаменательные слова, что, по нашему предположению, противоречило важности выполняемой ими функции.

Другим аспектом проблемы является то, что венецианская речь допускает монотонию гласных, особенно *e*: ср. *se xe, desmentego, Domenego* в венецианском и *si è, dimentico, Domenico* в тосканском, где за *e* обычно следует *i* и наоборот. Венецианский диалект очень редко использует контраст гласных для разграничения слоговых сегментов, единственное исключение – формы условного наклонения *dovaria, andaria* и т.п. Все это вместе и могло послужить мотивацией для постепенного закрепления консонантных вариантов данных форм, по мере нарастания в системе венецианского диалекта признаков агглютинативности.

Если наше предположение верно, то процесс закрепления консонантных вариантов начался именно с односложных словоформ $e > xe$ и $a > ga$; параллельно с этим процессом, по всей видимости, происходила редукция глагольных флексий: так, форма второго лица единственного числа во всех глагольных временах совпадает здесь либо с формой третьего лица (единственного и множественного числа), либо с формой второго лица множественного числа, формы третьего лица не различаются [3, с. 21]. По Рольфсу, в венецианском диалекте совпадают обе формы третьего лица и форма второго лица единственного числа глагола *esser*: *so' / sogio* 'я есть', *xe / xestu* 'ты есть', *xe / xelo, xela* 'он, она есть', *semo / semio* 'мы есть', *se / seu* 'вы есть', *xe / xeli, xele* 'они есть' (соответственно утвердительная и вопросительная формы) [1, с. 269–271]. Утрата флективных личных форм компенсировалась обязательным использованием проклитик по схеме *sanno > i sa: lu el xe spegasso, i ga porta' una letera* [8]. Экономия на согласующих морфемах с использованием дублирования темы предложения в редуцированной форме также является одним из признаков агглютинативного строя языка [9, с. 343]. Из всего этого можно сделать вывод, что наличие консонантного начала в глагольных формах, в том числе *xe*, закрепилось в системе венецианского диалекта, так как отвечало его выразительным потребностям, связанным с наличием в нем черт языка агглютинативного строя.

Здесь возникает еще один вопрос: на чем основано мирное сосуществование «звонких» и «глухих» форм в одной парадигме? Сохранение звонкости *xe* < *de в парадигме с исконными формами на *s-* должно, по всей вероятности, оправдываться ее функциональностью, иначе следовало бы ожидать выравнивания парадигмы путем оглушения звонкого согласного (еще до того, как форма *xe* стала использоваться в половине всей парадигмы), поскольку глухой согласный лучше выполняет задачу разграничения слоговых сегментов, чем звонкий, так как создает больший контраст с предыдущим гласным звуком. По нашему мнению, успех формы *xe* определяется тем, что она эффективно снимает омонимию этой глагольной формы с формами двух местоимений *se* (возвратного местоимения 3-го лица (*se mete*) и форманта безличной формы глагола (*se saluda*)) и союза «если», также выраженного формой *se* (*se no fe' se non fai*). Сравним: *se sta 'si sta* (безличная конструкция) и *xe sta* (форма прошедшего времени 'è stato'): при сохранении этимологической формы *se* обе эти фразы оказались бы идентичными, так как формы причастий являются усеченными и часто совпадают с формой глагола в индикативе, откуда и полная омонимия различных синтаксических конструкций. В

случае с безличной формой глагола *esser* необходимость различения местоимения и глагола не менее очевидна: в диалектной фразе «*Le capita fin che se xe zoveni. Co se xe veci, se ghe ciama: spaventi*» глагол без труда распознается не только по своему синтаксическому положению, но и звонкому начальному элементу. Наоборот, глухой согласный *s-* в *se* выступает признаком служебной морфемы, как в синтагме *se ghe ciama*.

В заключение попробуем ответить и на такой вопрос: почему сохраняет свой исконный вид форма второго лица множественного числа *se*, которую не заменила форма *xe* и для употребления которой не требуется обязательная постановка проклитики? Этот факт может лишь свидетельствовать о том, что данная форма в настоящий момент пока еще воспринимается как флективная: *se < see < sete*, т.е., несмотря на внешнюю краткость, она продолжает ощущаться носителями как более длинная, чем параллельная форма единственного числа *se*.

Реальность функционирования подобных, на первый взгляд, не существующих нулевых вариантов лингвистических единиц убедительно доказывается А. А. Кретовым [5]. Здесь мы имеем дело с пока еще сохраняющейся флективной частью парадигмы глагола *esser*, в которую входят также формы *so'*, *semo*.

Итак, комплексная трактовка словоформы *xe* с учетом особенностей всей системы венецианского диалекта является примером гипотезы, согласно которой форма, возникшая в определенных условиях в прошлом, обязательно должна быть функциональна в настоящем. Форма *xe* решает задачу устранения омонимии полнозначного слова и служебных слов, а также, вместе с формами *go, ga*, представляет собой результат усовершенствования недостаточно выразительной с точки зрения венецианской языковой системы словоформы. Процесс такого усовершенствования мог идти через промежуточную фазу позиционного варьирования форм с согласным и без согласного, тем более, что такой сценарий развития не является невозможным и для образования парадигмы глагола *aver* с формами на согласный *g-*. Закрепление консонантных форм глагола как более выразительных может быть связано с развитием в венецианском диалекте признаков агглютинативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti / G. Rohlfs. Morfologia. – Torino : Giulio Einaudi Editore s.p.a., 1966.
2. Grafia Veneta Unitaria. Manuale // A cura della Giunta regionale del Veneto. – Venezia : Editrice La Galiverina, 1995.

3. *Brunelli M.* Manual Grammaticale Xenerale de la lengua Vèneta e te só varianti / M. Brunelli // Bassano del Grappa. – 2007.

4. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) / Э. Косериу. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.

5. *Кретов А. А.* Что видно через форму «сох»? / А. А. Кретов // Вісник Луганського державного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка. Філологічні науки. – 2001. – № 10 (42). – С. 67–75.

6. *Томашпольский В. И.* Романские языки и диалек-

ты : введение в изучение романских языков / В. И. Томашпольский. – Екатеринбург : РИЭ, 2010.

7. *Филипацци Ю. А.* О системно-типологических особенностях тосканского и венецкого диалектов итальянского языка / Ю. А. Филипацци // Вестник ВГУ. – Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2. – 2009. – С. 64–68.

8. *Rocca G.* La scorzeta de limon / G. Rocca. Режим доступа: http://www.gttempo.it/Copioni_R.htm

9. *Мельников Г. П.* Системная типология языков / Г. П. Мельников. – М. : Наука, 2003.

Уральский государственный педагогический университет

Филипацци Ю. А., докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: juliaftip@gmail.com

Тел.: 8-962-983-49-55

Ural State Pedagogical University

Filipazzi J. A., Postdoctoral Research Fellow, Department of Theoretical & Applied Linguistics

E-mail: juliaftip@gmail.com

Tel.: 8-962-983-49-55